

ЖЕНСКОЕ НАЧАЛО В ПОЭЗИИ МАРИНЫ КАРЯГИНОЙ

В 2002 г. в издательстве «Руссика» увидела свет тетралогия Марины Карягиной «Таваткал тёлёксем» (Квадратные сны). Уже ее название и наталкивает на мысль, что поэзия М. Карягиной не проста для восприятия, что перед нами будет некая бесконечная подвижная метафора.

В тетралогии вошли:

книга I – «Пётё чамър» (Чрево-шар);

книга II – «Талай хули» (Неведомый город);

книга III – «Таваткал тёлёксем» (Квадратные сны);

книга IV – «Чёрёлёх ташши» (Танец жизни).

В задачу моего исследования входит анализ первой книги. Безусловно, он и не претендует на разрешение даже малой части всех «загадок», которые связаны с именем М. Карягиной.

Что же выражает молодая поэтесса? Как писал В.Соловьев, «... прямая задача критики – по крайней мере философской, понимающей, что красота есть осязательное воплощение истины, – состоит в том, чтобы разобрать и показать, что именно из полноты всемирного смысла, какие его элементы, какие стороны и проявления истины особенно захватили душу поэта и по преимуществу выражены им в художественных образах и звуках» [1, 166]. Первое, что можно констатировать, ознакомившись с поэмой М. Карягиной «Пётё чамър», – ее стихи философичны. Философия для нее теснейшим образом связана с поэзией. Природа и человек, познание человеком загадок и тайн природы, природа и ум в их соотношении, в их согласии – вот что важно для молодой чувашской поэтессы. М. Карягина посредством стихов приобщается к первоначальному, природному, осознает неразрывность человека и космоса. В предисловии к тетралогии поэтесса признается, что в поиске источника жизни она вновь и вновь в согласии со своим чувашским Словом возвращается к Началу, к тайным моментам Миротворения. Основная философская мысль ею выражается в следующем: «Сём тёттёмрен хăранăн сүт тёнче кăкăрĕсен малашĕшĕн хĕрарăм кунта. ĕмĕртекен хĕрарăмсен кăкăрĕсем тёнчемĕр чĕмĕ-хĕмĕ-сĕмĕ витĕр ĕмĕрсене сăласăн карăнасĕ» [2, 7]. «Мудрость Вселенной в том, что Она – «пусланнă-амаланнă» (женственна). Я – лишь твой мелкий облик; я – твоя дочь, мать», – пишет поэтесса [2, 41]. Своим поэтическим озарением М. Карягина близка к философии В. Соловьева. Философия В. Соловьева – оценивание человечества, Придание, внесение, вложение смысла в существование людей. «Человеческое надо помогать быть самим собой. Указывать ему на необходимость соответствовать своему предназначению, что же касается последнего, то тут все просто: разве впрямь творение забывать о своем создателе?» [3, 498].

... вăрлăхра пурнан пур ĕмĕр... -

йăлт манра пек:

йăлт хамра сÿреп йăтса... – так лирическая героиня приобщается к сообществу женскому, ничуть не о самой себе она ведет речь. В этих словах решение не личной, а сколько общей загадки бытия; утверждение, что она женщина – мать – Ама – «тёнчешĕн ĕмĕртешĕ» (женственность – кормилица Вселенной). Она познала свое предназначение:

... хĕрÿ чĕре хĕвелленет врти тёнчешĕн...

О причастности лирической героини ко Всему, в частности, о Благоприятности природы свидетельствуют строки:

...Кашни сăлра

сан сăнару пурнать –

эс пăх сăла:

... пур айăпĕ те кĕрлĕхре:

въл тѣчене х̄арахл̄ахран с̄алять...

Метафора – символ «Благоразумие» М. Карягиной ничуть не расходится с символом истины и в религиозном понимании [4, 244]. Стихотворение – это смысловая структура особой сложности. Примером исключительности и глубинности Слова, Словотворения в вышеприведенном примере является Слово «шур ай̄а - пѣ те к̄ерл̄ехре...» Как пишет в предисловии М. Карягина, «С̄амах та, ч̄аваш тѣчене с̄ичѣ с̄ийлѣ курн̄а пек, ман шутпа, с̄ичѣ с̄ийрен т̄арать. Пурн̄асри кашни япалапа пул̄амра пытар̄анн̄а в̄артг̄анл̄ах̄ ас̄ѣ мана ав шыравра пур̄анма ил̄ѣртет» [2, 5]. В незаметной фразе – глубокий смысл. При внимательном прочтении читатель в этой фразе видит и греховность человека; и Аниму и Зеркало, которое не лжет, т.е. Истину. Истину- истинные голоса поэтесса находит в глубоких колодца. В памяти, в голосах своих предков (й̄ах̄ – й̄ар̄ава с̄урет̄ен Палласа). Здесь можно отметить схожесть мироощущений М. Карягиной и Г. Айги. Изящным поэтическим словом характеризуются М. Карягиной предки и прошлое, как некая глыба, где потеря, боль, любовь. Искусное варьирование звуков в словотворении буквально завораживает читателя:

... с̄ав т̄ава, с̄ухат̄ава,

ыра – т̄ава, юра – т̄ава...

Стихи М. Карягиной изобилуют тончайшими ритмико-фонологическими параллелями.

Завершающая поэму мысль поэтессы:

«Пѣтѣ тѣнче пѣтѣ-и?!» - яркий тому пример.

Марина сделала шаг вперед (если можно так выразиться): от любви к мужчине → к осознанию Софии Вселенной → к любви человечества.

Тетралогия заявляет о зрелости поэтессы. Ей доступны тайны человека и природы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев В.С. Литературная критика. – М.: Современник, 1990.
2. Карягина М. Квадратные сны. – Чебоксары: Руссика, 2002. (на чув. яз.).
3. Таранов П. Звезды мировой философии. – М.: Издательство АСТ, 1999.
4. В религиозном искусстве зеркало принадлежит Деве Марии. (См. Джеймс Холл. Словарь сюжетов и символов в искусстве. – М.: Крон-пресс, 1996).

Л.П. Федорова (Ижевск)

СЕМАНТИКА СКВОЗНЫХ ОБРАЗОВ В ЛИРИКЕ АЛЛЫ КУЗНЕЦОВОЙ

В истории удмуртской женской литературы нами обозначено три периода развития: это 1920-30 гг. (Ашалычи Оки, Мария Баженова), 1960-е (Степанида Иванова, Лидия Чернова, Алевтина Аникина, Юлия Байсарова, Людмила Хрулева и др) , 1980-90-е (Людмила Кутянова, Татьяна Чернова, Галина Романова, Алла Кузнецова, Лидия Нянькина, Серафима Благинина-Пушина и др.). Непрерывной традиции нет, периоды, в которых женская литература «слышна», сменяется периодами «заглушения», развитие идет волнообразно. Волнообразность удмуртского женского письма обусловлена объективными и отчасти субъективными факторами. Исследователи русской женской литературы заметили, что женщины выходят на сцену во времена культурных переломов, разлома культурных парадигм и переустройства канонов. Развитие удмуртской женской литературы подтверждает выявленную закономерность.

В чем самобытность, традиционность, новаторство каждого из обозначенных этапов? Трагична и самобытна судьба представительниц удмуртской литературы 20-х годов. Они, как яркие звезды, появились на небосклоне литературы и исчезли на долгое время. Их заставили замолчать в 30-е гг., в годы сталинских репрессий. Лирика Ашалычи Оки стала классикой удмуртской литературы, «каждое ее слово, каждая строка принадлежат женщине» (П.Домокош), в них, по признанию Кузнецовой Герда, «душа вотской женщины светится во всей своей полноте». Мария Ба-